

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Письмо к Александру III

Дозвольте, Ваше Величество, беспокоить Вас по делу, коему придаю политическую важность.

Сейчас дошло до меня, что Вы изволили приказать объявить на общем основании Каткову предостережение за статью в № 66 “Московских Ведомостей” и вообще за направление статей его по внешней политике.

Прежде всего, оговариваюсь, что я нисколько не оправдываю Каткова и не извиняю его и не имею в виду его личного положения; но имею в виду то значение, которое приобрели вместе с лицом его “Московские Ведомости”.

Правда, как Вы изволили однажды и мне выразиться, что Катков забывается и принимает тон, несоответственный с его положением.

Но один ли он виноват в том? Виноваты во многом правительственные лица, которые поставили его в положение ненормальное и вскружили ему голову. Всякий забудется, если его выведут из пропорции и придадут ему несоразмерное значение.

Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинным русским интересам и к твердым охранительным началам. В качестве журналиста он оказал драгоценные услуги России и правительству в трудные времена. Он стал предметом фанатической ненависти у всех врагов порядка и предметом поклонения, авторитетом у многих русских людей, стремящихся к водворению порядка. То и другое — крайность, но то и другое — факт немаловажного политического значения. Факт, с которым приходится считаться.

Вся сила Каткова в нерве журнальной его деятельности, как русского публициста, и притом единственного, потому что все остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка.

Но зачем было делать из Каткова государственного человека? Были министерства, в коих ничто важное не предпринималось без участия Каткова. Этим его испортили и вывели его из пропорции. Он писал превосходные статьи, но можно было им радоваться, а не делать из них государственного события. Особенно в виду иностранной прессы и иностранной дипломатии, придававшей статьям Каткова значение статей, внушаемых свыше, следовало бы правительству избегать всего того, что могло быть истолковано в смысле солидарности правительства со статьями Каткова. Вот почему я не

порадовался, когда прочел в газетах рескрипт, в прошлом году предложенный к подписанию Вашего Величества И. Д. Деляновым; не радовался, когда Катков приезжал сюда из Москвы на продолжительное время, и в здешнем обществе, живущем сплетнями, и в заграничной прессе поднимались вздорные толки, что с ним ежедневно совещаются о делах внешней политики. Мудрено ли, что по вопросам этого рода Катков, получая на статьи свои и записки одобрение из высших сфер, более и более выходил из пропорции?

Однако же, то ложное освещение, которое получил Катков и у нас, и за границей, есть несомненный факт. Все, что происходит с “Московскими Ведомостями”, становится событием не только всероссийским, но и европейским. Падение “Московских Ведомостей” есть великое торжество одной партии (к сожалению, именно партии врагов России и порядка) и великое уныние для другой партии, противоположной. Прибавлю еще, что Катков, при всех своих недостатках и увлечениях, очень дорог своей газетой именно теперь, в эпоху смуты, что когда его не будет, решительно некем будет заменить его в нашей распушенной и бедной серьезными талантами печати; и, наконец, что эта минута, которой нельзя не опасаться, вероятно, уже недалеко, потому что Катков едва ли долго продержится.

Теперь позволяю себе обратить внимание, Ваше Величество, на последствия, вероятные в том случае, если будет на общем основании опубликовано предостережение Каткову за направление статей его по внешней политике.

Телеграф разнесет это известие по всем концам мира. Это будет замечательное политическое событие. Оно будет истолковано в смысле поворота нашей политики. Оно отразится на бирже. Оно вызовет торжественные демонстрации во всех больших городах и, между прочим, со стороны враждебных России партий. Внутри России произойдет крайнее недоумение и смущение. Притом, зная настроение и натуру Каткова, я уверен, что он вслед за предостережением прекратит издание “Московских Ведомостей”. Это будет крайним смущением для массы читателей русских и, смею думать, во всяком случае будет утратой для правительства силы весьма значительной, силы нравственной.

Стоит ли всего этого статья, правда, неприличным и безумным тоном написанная?

Вполне понимаю однако, что невозможно относиться равнодушно к этому тону и к этой манере статей Каткова. Однако примечаю, что до сих пор никто властным тоном и властной речью не говорил еще Каткову, что ему необходимо воздержаться себя, что этот тон и эта манера не только не одобряются, но и строго осуждаются Вашим Величеством. Министр внутренних дел,— власть непосредственная над ним,— ни разу не имел с

ним положительного объяснения по этому предмету. Напротив того, сам Катков мог иногда воображать, что статьи его угодны правительству.

Ваше Величество, Вы, конечно, поверите, что одно лишь старание о благе и о мире побуждает меня писать это письмо. Министр внутренних дел в отсутствии; я предвижу, что предположенная мера в настоящих обстоятельствах не будет иметь благих последствий.

Позвольте представить на благоусмотрение Ваше следующее. Можно достигнуть того же результата, но с избежанием нежелательных последствий, в другой форме. То же предостережение, но еще суровее и действительнее, могло бы быть объявлено Каткову от имени Вашего Величества, только не в официальной форме и без опубликования. Для этого Феокистов мог бы съездить в Москву или гр. Толстой лично мог бы передать Каткову все то, что Вашему Величеству угодно было выразить. Тут Катков в первый раз положительно усмотрел бы неудовольствие и гнев Вашего Величества. Я не сомневаюсь, что он принял бы это внушение со всей покорностью и не замедлил бы или изменить тон, или вовсе уклониться от полемических статей по важнейшей политике.

Константин Победоносцев

Петербург, 11 марта 1887